

Философия Право

№ 6 (67)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит шесть раз в год
Свидетельство о регистрации
№ 019290 от 30 сентября 1999 г.

2014

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации по философии, социологии и культурологии, праву, политологии

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ, ПРАВО, КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ

- Зелинский В. Е.**
ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА В ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ В. Н. ТАТИЩЕВА 7
- Лубский Р. А.**
РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ 9
- Радачинский Ю. Н.**
ЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ИДЕАЛА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ 13
- Бирюков Н. Г.**
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: НАРОДНАЯ СХЕМОВАЯ КУЛЬТУРА В ПРИЗМЕ ПОНЯТИЙНОЙ КАТЕГОРИИ КОЛИЧЕСТВА 15

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- Небратенко Г. Г.**
ЭВОЛЮЦИЯ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 19
- Болдырев С. Н.**
ПРИМЕЧАНИЕ КАК ПРИЕМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ 24
- Рыбкина О. С., Федотова М. И., Ширшова М. А.** О ПРИРОДЕ ДОКУМЕНТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ИСТОЧНИКОВ ПРАВА 27
- Балашов С. К.**
ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА И УГОЛОВНОЕ ПРАВО 30

Тимошенко А. А.

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОМ ТОЛКОВАНИИ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ
РАЗБИРАТЕЛЬСТВО УГОЛОВНЫХ ДЕЛ 34

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Федоровский А. П.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО КУЛЬТУРА: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА 38

Рудковский В. А.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО (К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ) 42

Мордовцев А. Ю., Угренинова Е. А.

ПРАВОВЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ 47

Казарян К. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ИДЕАЛА 52

ПРАВО, ГОСУДАРСТВО, ВЛАСТЬ, УПРАВЛЕНИЕ

Варданын А. В.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ В КОММЕРЧЕСКОЙ ИЛИ ИНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ВОПРЕКИ ИНТЕРЕСАМ СЛУЖБЫ: АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ 55

Казарян К. В., Литвинова Ю. И.

СИСТЕМА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ В ФОРМИРОВАНИИ
И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОДЕЛИ
МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИДЕАЛА 58

Радачинский Ю. Н., Рассказов Л. П.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕАЛ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ
ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА 62

Анисимов П. В., Савченко А. А.

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА 64

Макеев В. В.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА МИЛИЦИИ ВСЕВЕЛИКОГО
ВОЙСКА ДОНСКОГО (ОКТАБРЬ 1917 - ФЕВРАЛЬ 1920 ГОДА) 69

Рассказов Л. П.

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ 71

Воронцов С. А.

О ПРАКТИКЕ ВВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ
СЛУЖАЩИХ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ 75

Макеев В. В., Кумышева М. К.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ В РОССИИ 78

Мантул Г. А., Рассказов Л. П.

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ
И МОСКОВСКОЙ РУСИ 81

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Анисимов П. В., Небрятенко Г. Г. МЕСТО ПРАВОВОГО ИДЕАЛА В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ	85
Соловьев Г. М. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ	87

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Овчинников А. И., Фатхи В. И. МИГРАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СЕТЕВЫХ ВОЙН	91
Круглова А. Ю. СЕТЕВЫЕ ВОЙНЫ И ГЕОПОЛИТИКА НА ЮГЕ РОССИИ	96

ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИЯ

Фетисов Т. (протоиерей) ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И ВЛАСТИ В БОГОСЛОВИИ ВЕТХОГО ЗАВЕТА (ЧАСТЬ 1)	

Трибуна молодого ученого

Шуваева О. М. РОЛЬ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ	107
Расказов В. Л. УЧРЕЖДЕНИЕ ЕКАТЕРИНИНСКОГО СЫСКНОГО ОТДЕЛЕНИЯ	111
Стародубцев С. С. НЕТИПИЧНЫЕ ФОРМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ИНСТИТУТОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И РЕЗУЛЬТАТОВ ЕЕ ЮРИДИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	116
Прищеп А. В. ИНСТИТУТ САМОЗАЩИТЫ ГРАЖДАН: ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС XVI–XVII ВЕКОВ	119
Пирожок С. С. ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ РОБЕРТА ФОН МОЛЯ	124
Сведения об авторах	128

А. Ю. Мордовцев, Е. А. Угренинова

ПРАВОВЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

В статье выделены и проанализированы постановочные аспекты исследования проблемы социально-культурного измерения правовых презумпций. Авторы проводят теоретико-правовое и историко-правовое изучение специфики формирования, функционирования и эволюции презумпций в национальном социально-правовом пространстве.

Ключевые слова: презумпции, юридическая техника, правовое пространство, правовой менталитет, правовая культура, право, закон, государственная власть.

В настоящее время в результате теоретико-методологического сдвига в области юридических исследований – перехода от известного марксистско-ленинского монизма к концептуально-методологическому плюрализму, предполагающему, в частности, и «вживание» в предметное поле правоведения человеческого и этнокультурного измерения, смысл национального права определяется не только и не столько материальными условиями, но и разного рода явлениями и процессами духовной природы. Право в целом, нормативно-правовые предписания, а значит и правовые презумпции, всегда формируются, функционируют, изменяются в системе правовых культурных и глубже этноментальных координат.

В связи с этим ряд современных исследователей весьма скрупулезно изучают и используют методологию «погружения» разных элементов системы права и правовой системы в конкретное социальное пространство, причем смысл и содержание последнего понятия, как правило, определяются интуитивно, что, в итоге, приводит к смешению таких категорий, как «территория», «традиция», «среда», «социальная (правовая) жизнь» и других.

Поэтому в отношении самой категории «пространство» необходимо дать некоторые разъяснения. В частности, И. Кант один из первых в западно-европейском гуманитарном дискурсе предложил собственно философское понимание пространства. «Пространство не есть эмпирическое понятие, выводимое из внешнего опыта. В самом деле, представление о пространстве должно уже заранее быть дано для того, чтобы те или иные ощущения были относимы к чему-то вне меня... Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних созерцаний. Никогда нельзя представить отсутствие пространства... Поэто-

му пространство следует рассматривать как условие возможности явлений...» [1, с. 130].

В свою очередь, А. Г. Дугин, стремясь уточнить содержание и объем понятия «пространство» подчеркивая ее полисемантическую природу, пишет: «Пространство... может быть рассмотрено с двух сторон. Есть количественное пространство физического мира – протяженность. В нем протекают материальные процессы, располагаются тела и предметы. Человеческое бытие развертывается в ином пространстве – в *качественном*. Качественное пространство принято называть “географией”, качественное пространство... формирует парадигмальный контекст человеческого бытия, координаты онтологии» [2, с. 71].

Однако применительно к предмету нашего исследования рассмотрение пространственного измерения все же должно быть не двух-, а, скорее, *трехмерным*: физическое («протяженное» пространство), географическое (качественное пространство *первого уровня*, так или иначе, но сопряженное с физическим пространством) и социальное (качественное пространство *второго уровня*, которое в силу специфики развертывания социального бытия постепенно приобретает собственно «надпространственные» характеристики, то есть переходит в иное, уже не физическое и даже не географическое измерение, но включает в себя то, что в современной и классической литературе принято называть традицией, полем или средой).

Так, например, К. В. Арановский, рассматривая особенности отечественной конституционной традиции, по сути, «имеет дело» именно с качественным социально-правовым пространством второго уровня. «Государственно-правовая традиция представляет собой исторически сложившееся, выраженное в устойчивых навыках, нормативно-ценностное правообразование, обу-

словенное религиозными или светскими верованиями, мировоззрением, чувствами, качеством потребляемой информации и восприятия, понимания права, власти, государственности. В таком содержании государственно-правовая традиция позволяет людям жить и действовать в политически устроенном, упорядоченном правовом обществе» [3, с. 138].

В этом плане, говоря о глобальном политико-правовом пространстве заметим, что его основными качественными характеристиками являются не удаленность, территориальная протяженность, находимость, приближенность разных национальных государств, правовых, политических или экономических систем, но прежде всего общность либо, наоборот различие социально-правовых традиций, «дистанция» политико-правовых менталитетов, сходство правовых культур, привычных способов управления, близость законотворческой

политики, способов разрешения правовых и иных конфликтов, имеющих место версий понимания и оценки значимости различных модернизационных, инновационных процессов в юридической сфере и т. п.

Безусловно, далеко не всегда политико-правовое (социальное качественное) пространство не совпадает с географическим пространством (например, западноевропейский или славянский миры, правовые и политические миры в целом совпадают и в плане территориальной «находимости» государств, и в контексте их «качественной правокультурной близости»).

В целом же в отношении понятия «правовое пространство» можно сформулировать несколько выводов:

1) правовые институты могут существовать не только во временном, но и в пространственном измерении. Выделяя же социальное пространство, исследователь тем самым рассматривает право в смешанном, пространственно-временном континууме, что и сближает категории «правовое пространство» и «правовая традиция»*;

2) только в рамках социально-пространственного «месторазвития» можно говорить о содержании правовых систем, выделять вектор их эволюции, способы, формы и особенности юридической идентификации социальных фактов и т. п.

Когда современные авторы ставят вопросы: «Можно ли узнать, как народ понимает правду? Каково его практическое правосознание?» [4, с. 239], так или иначе, предполагают «погружение» в глубины правового пространства конкретного народа или нескольких, близких между собой в ментальном и ином аспектах этнических групп.

Например, описывая специфику восприятия соотношения права, закона и справедливости в рамках отечественного оригинального социально-правового пространства, Т. Воеводина подчеркивает: «Разнотык закона и правосознания мы видим на каждом шагу. Когда топ-менеджер, развалив работу, получает гигантские премии, для народа он – вор, хотя все сделано по действующим законам и иным правовым актам. Только вот такие правовые акты – не правовые – вот в чем беда. Право – шире закона, право... – это интегральная справедливость. Поэтому закон вполне может быть (и реально бывает) неправовым» [5, с. 9]. В контексте нашей темы презюмирование «правового содержания закона» в российском правокультурном поле хотя и имеет место, но вряд ли может быть отнесено к группе неопровержимых правовых презумпций.

В Третьем Рейхе в условиях господства расовой теории, повлиявшей на понимание права, закона, справедливости, принципов и целей функционирования государственной власти, была существенным образом деформирована презумпция «связанности судьи с действующим законодательством». Так, К. Шмитт в статье с характерным названием «Государственный закон в новом контексте» писал: «Мнение о том, что судья нормативно связан с законом, сегодня становится во многих случаях юридической практики теоретически и фактически несостоятельным. Ни один закон не может обеспечить надежность и безопасность... Безопасность и надежность зависят не от нормативности, но от ситуации, которая постулируется как “нормальная”» [6, с. 378].

Конечно, «любой политический и правовой режим возникает и существует в конкретном этноментальном пространстве, неизбежно подвергается ментальному измерению, являющемуся приложением национальных идентификацион-

* «Разнообразие правовых систем обусловлено большим числом собственно юридических и других причин. Прежде всего здесь следует говорить о природных и географических факторах, определяющих различные условия и потребности правовых систем... Влияние народных традиций, религии, лингвистических реалий, реакции общественного мнения... на процесс регламентации в целом очевидно: примитивные и развитые общества не имеют ни общей организации, ни общих законов», – отмечает (в духе социально-правовой концепции Ш. Л. Монтескье) современный французский исследователь Ж.-Л. Бертель.

ных оценок к важнейшей сфере общественных отношений – праву и политике. В этой связи “вскрытие” глубинных основ национального юридического мира дает возможность выявить и проследить многие важные тенденции...” [7, с. 101]. Например, взвешенно подойти к процессам рецедий, заимствований. «Гюстав Лебон, бешено популярный в XIX веке, а ныне забытый французский мыслитель... настаивал: никакой народ не может произвольно заимствовать у другого даже самый замечательный образ правления и соответствующие ему институты власти» [5, с. 9].

В свете вышеизложенного особую значимость приобретает использование ментального измерения в качестве метода изучения категории «правовая презумпция», в частности рассмотрение этих видов НПП сквозь призму российского юридического менталитета.

Вообще, исследование природы, функций и значения правовых презумпций в рамках национальной государственно-правовой традиции, правовой ментальности предполагает различение понятий эффективности и оптимальности.

В связи с этим необходимо выделять социально-правовую эффективность правовых презумпций (когда практика их использования отвечает представлениям социума о справедливости, целесообразности, порядке, пользе и т. п. и позволяет обеспечивать согласование общественных, групповых и индивидуальных интересов, способствует достижению не противоречащих действующему законодательству целей) и их юридико-техническую оптимальность (получение предполагаемых законодателем и правоприменителем результатов наиболее экономичным, в ресурсном и временном аспектах этого понятия, и рациональными способами, что связано прежде всего со степенью совершенствования формально-структурных характеристик национальной системы права, спецификой профессиональной юридической деятельности и сложившимся правовым опытом).

Следует отметить, что не существует единого, общепринятого определения менталитета. Трудности в формулировке дефиниции, прежде всего, обусловлены многоаспектностью данного феномена.

По сути, менталитет представляет собой мировоззренческую матрицу, в соответствии с которой в сознании людей, принадлежащих к той или иной национальной либо социально-культурной общности, выстраивается картина мира, в том числе определяется их место в этом мире, иначе говоря, менталитет, то есть «...то, что позволяет представителям определенного социума и/или

типа цивилизации относительно сходно, единообразно воспринимать окружающую действительность, оценивать ее и действовать в ней в соответствии с определенными, сложившимися в обществе установками и стереотипами поведения, “понимая” друг друга, сохраняя (благодаря этому) стабильность и целостность национального (цивилизационного) пространства» [7, с. 14].

Этноментальное исследование категории «правовая презумпция» следует начать с рассмотрения центральной характеристики правового менталитета – его двойственности. «Двузначность» менталитета проявляется в том, что, «с одной стороны, это результат культуры и традиций, а с другой – глубинный источник развития последних, определяет вектор культурцивилизационной динамики» [7, с. 23].

Однако наиболее ярко бинарность проявляется в структуре правового менталитета, в которой одновременно уживаются как осознанные элементы, так и коллективно-бессознательные компоненты (образы, ценности, установки, представления). Вполне закономерно возникает вопрос о том, какова роль каждого из компонентов правового менталитета в процессе конструирования правовых презумпций в конкретном социально-правовом пространстве.

Правовые презумпции по своей природе являются умозаключениями, то есть представляют собой логические конструкции, в которых обобщаются и перерабатываются юридические знания и ценностно-правовые ориентации, социально-правовой опыт, в связи с чем в них процедируются осознанные элементы правового менталитета, которые используются в качестве «исходного материала» для построения правовых презумпций.

Между тем характер процесса формирования презумптивных положений определяют именно бессознательные компоненты правового менталитета, в том числе «внутренняя склонность, основанная на психологических мотивах и определяемая бесчисленным множеством индивидуальных условий». Соответственно, подытоживая вышесказанное, закономерно сделать вывод о том, что в ментальном измерении правовые презумпции представляют собой взаимосвязь во взаимодействии осознанного и бессознательного, синтез эмоциональных и рациональных компонентов.

Весьма интересным является вопрос о соотношении категорий «правовой менталитет» и «правовая презумпция». В частности, первый служит необходимой основой для возникновения, функционирования и трансформации правовых презумпций, последние же выступают

способом, формой материализации правового менталитета и «привязки» к определенным социально-правовым условиям.

Бесспорным является то, что в России правовые презумпции в своем развитии прошли особый, неповторимый исторический путь, во многом обусловленный именно спецификой российского правового менталитета. При этом рассмотрение категории презумптивных положений в российском социоментальном пространстве невозможно без определения ключевых параметров исследования.

В качестве основных параметров в определении национального характера целесообразно использовать критерии, предложенные А. Инкельсом и Д. Левинсоном:

1) отношение к власти, олицетворяемой в широком смысле государством, бюрократическим аппаратом, правоохранительными и правоприменительными органами, различными властными предписаниями и так далее;

2) устоявшиеся традиции, обычаи, устойчивые взаимоотношения индивида и общества (концепция Я и Другой);

3) сложившиеся способы разрешения конфликтов, в том числе специфика отношения к правосудию (как традиционному, так и альтернативному), степень распространенности внесудебных форм урегулирования конфликтов (посредничество, примиренчество и так далее), а также специфика присущего тому либо иному обществу контроля над агрессией и выражением чувств) [7, с. 41–42].

В России существование и смысловое наполнение категории презумптивных положений, равно как и большинства иных правовых явлений, всецело обусловлены образом государственной власти.

Заметим, что *фактор власти* в российском правовом и политическом менталитете получил двойственную интерпретацию, раскрывая содержание которой, например, С. А. Сирин отмечал, что главенство государства по отношению к закону обусловило, с одной стороны, правовой нигилизм и произвол, а с другой – азиатскую покорность [8]. Культ власти, исконно присущий российской правовой системе ставящий ее выше закона, обусловил появление некой общей презумпции русской правовой жизни, которая сводится к следующей формуле: «Прав тот, у кого больше прав».

Исторически сложилось так, что российский социум всегда воспринимался как особая патри-

архальная общность, характеризующаяся патриархальными формами власти и патерналистской организацией института монарха. В таких условиях государственная власть выступала в качестве основы жизни всего общества, такая позиция было порождением эксплуатации идеи патриархальности отношений человека и власти «как отношений детей и родителей, подразумевающей хорошее, отеческое, справедливое правление хозяина-отца» [9, с. 113].

В общественном правосознании укоренилось и поддерживалось мнение, согласно которому отношения между государем и поданными строилась по принципу «отец – дети», государственная власть трактовалась не иначе как «отеческая» («царь-батюшка»), а государь являлся воплощением правды в обществе. Такое положение первого лица государства привело к тому, что в России не сформировалась присущая западному праву презумпция *юридически связывающего представительства*, предполагающая, что поданные, как и государь, обладают политическими правами, которые могут делегировать ему для представления интересов государства-корпорации.

Отметим тот факт, что в России никогда не возникал вопрос о *легитимности* (в западном ее понимании) государя. Будучи источником всякого права (и власти), он нес ее «в самом себе». Своим положением он был обязан власти, то есть своему положению как таковому, другими словами, государь был легитимен потому, что он – государь. В национальном русском сознании царь являлся более сакральной фигурой, чем патриарх, поскольку соединял в себе трех царей – как правитель православного государства был наследником императора Византии (II Рима), территориально – преемником хана Золотой Орды, а культур-семиотически – наследником греческого императора [10, с. 163].

Ф. Халем, анализируя особенности функционирования государственной власти в России, отмечает, что «великий князь и князья обладали легитимностью, которая покоилась на наследственном происхождении. В отличие от Византии в России вряд ли можно говорить о каком-либо суверенитете народа, пусть даже не правовом, а определяющемся этическими принципами. Это привело к тому, что великокняжеская власть имела более прочный фундамент, нежели власть императора в Константинополе. Когда во времена архиепископа Геннадия Новгородского монах-доминиканец Вениамин познакомил Россию с окцидентальным понятием истины, то Иосиф

Волоцкий, используя его, смог на имеющемся фундаменте построить русское учение о власти Великого князя, которое, подхваченное и расширенное Иваном Грозным, затмило все то, что приблизительно в то же самое время в Окциденте разработал Никколо Макиавелли...» [11].

Следует отметить, что, для русского правового менталитета характерен примат государя над государством. Возникновение Русского государства и отечественного права связано с развитием этих институтов не как государства (*stato*) в абсолютном значении этого понятия и не как права в привычном его понимании, а как частное владение – вотчина, в которой все отношения выстраиваются и затем регулируются только собственником и исключительно по своему усмотрению, а права просто даруются или «жалуются» для отдельных субъектов либо целых социальных групп [7, с. 117].

Кроме того, Ф. Халем, сравнивая западное право с правовой системой России, верно подмечает то обстоятельство, что в странах Запада лицо «как носитель юридически определенных прав и обязанностей ... ставится в четко очерченные рамки, и – что даже более важно – эти рамки для всех одинаковы, они скроены под абстрактное понятие “лицо”, а не под конкретного человека (личность). Право не должно принимать во внимание личность, конкретного человека, поэтому Фемида и носит повязку на глазах».

Русскому сознанию также присуще восприятие власти не как совокупности прав и обязанностей, а как конкретной личности, реализующей свои властные полномочия по собственному усмотрению. В таких условиях исключительно формальный характер приобретает публично-правовая презумпция соответствия диспозиции нормы, уполномочивающей чиновника реализовывать в пределах своей компетенции конкретные полномочия, и самой правовой проблемы, решаемой на основании применения данной нормы. В контексте российской ментальности не может реально функционировать презумпция, предполагающая, что государственные органы, органы местного самоуправления или их должностные лица действуют исключительно в пределах строго установленных действующим законодательством полномочий для каждого конкретного случая.

Безусловно, специфика исторического развития определила и отношение русского человека к законам (как, впрочем, и к праву, начиная с Петровских реформ) как к принудительной внеш-

ней силе. По словам А. И. Герцена, «русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно... совершенно так же поступает и Правительство» [12, с. 251].

Рассматривая презумптивные положения сквозь призму сложившихся особенностей, условий, традиций взаимоотношений индивида и общества, необходимо отметить, что на уровне русского православного правового сознания издавна существовала установка, в соответствии с которой право никогда не ставилось на одну ступень с такими духовными ценностями, как Правда, Истина, нравственное совершенство, религиозная святость, следовательно, и значение его было более относительным. К сожалению, следует признать несколько столетий отношение к правовой идее, а соответственно, и к разным правовым презумпциям, нормам права в российском правовом пространстве в большинстве случаев сводилось к тому, что они представлялись скорее помехой, чем залогом национального нравственного прогресса.

Литература

1. Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М., 1964. Т. 3.
2. Дугин А. Г. Философия политики. М., 2004.
3. Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003.
4. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000.
5. Воеводина Т. Право и душа // Литературная газета. 2014. 20 сентября.
6. Моссе Дж. Нацизм и культура. М., 2003.
7. Мордовцев А. Ю. Национальный правовой менталитет. Введение в проблему. Ростов н/Д, 2002.
8. Сирин С. А. Социальные и философские основания правового нигилизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1994.
9. Поздеева С. М. Российское общество в условиях модернизации (социально-философский анализ). Уфа, 1998.
10. Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванство в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982.
11. Халем Ф. Историко-правовые аспекты проблемы Восток – Запад. URL // <http://www1.kueichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss1.htm>
12. Герцен А. И. Собрание сочинений. М., 1956. Т. 7.